

ЭКСПЕРИМЕНТ И ИССЛЕДОВАНИЕ

К вопросу о психологических корнях экстремизма

**Вероника Геннадьевна
Кирсанова,**

старший научный сотрудник
Научно-учебного центра
сопровождения последипломного
образования ГБОУ ВПО МО
«Академия социального
управления», кандидат
психологических наук

Интерес к теориям превосходства, популярность радикальной националистической позиции в среде молодёжи — часть реальности, в которой мы живём. Распространённость идей, лежавших в основе нацизма в государствах, даже пострадавших от него в ходе Второй мировой войны, подтверждает — нацизм возвращается или, вероятно, никуда не исчезает, является элементом ментальности современного общества. Почему это происходит? Ответить на этот вопрос позволяет научный взгляд на феномен нацизма.

● нацизм ● психологический анализ ● экстремизм ● подчинение авторитету ● система воспитания ● бессознательное послушание ● социальное проектирование

Исследования феномена нацизма были предприняты уже в послевоенные годы. В рамках различных подходов — исторического, социологического, экономического — изучались условия, которые способствовали развитию и укоренению экстремистской идеологии, идеи расового превосходства в национальном сознании в Германии.

Исторические, социальные корни нацизма видели в эпохе Просвещения, в географическом положении Германии, в позднем обращении германцев в христианство, в распространении идей французской революции, последствиях Версальского договора (отторжение Эльзаса и Лотарингии, оккупация Саарской области, репарации), экономическом кризисе 1926 г., политическом бессилии Веймарской республики, т.е. в уникальном сочетании географических и исторических условий. Несомненно, эти условия играли значительную роль в развитии националистических идей. Однако объяснение популярности националистической идеологии исторической обстановкой не освещает образ

ЭКСПЕРИМЕНТ И ИССЛЕДОВАНИЕ

мыслей, чувства, мотивы тех, кого называют нацистами, т.е. активных участников этого небывалого по масштабам и жестокости политического строительства. Это призван сделать психологический анализ.

Психологический анализ феномена нацизма осуществлялся по нескольким направлениям: рассматривалась доктрина нацизма, исследовались механизмы подчинения влиянию авторитета, «массы», «средний гражданин рейха» на примерах отдельных личностей, личность нацистского вождя и его сподвижников — главных персоналий нацизма. Несмотря на разные предметы исследования, эти работы объединяет стремление найти ответ на вопрос: есть ли граница между «ними» (нацистами, экстремистами) и «нами» (законопослушными гражданами)?

Предпринимались попытки исследования характера целого социального класса. Так, анализ исторических условий привёл Э. Фромма к предположению о существовании особого социального характера, который был сформирован и вызван на большую политическую арену Германии событиями довоенного периода. Нацизм стал возможен, как он полагал, благодаря особенностям социального характера низов среднего класса. Ему была свойственна любовь к сильному и ненависть к слабому, ограниченность, враждебность, скупость — как в чувствах, так и в деньгах. Эти отрицательные черты усилились в результате социальной фрустрации, вызванной экономической депрессией и распадом германской государственности. Нацизм смог канализировать, использовать эмоциональную энергию этих слоёв и превратить её в мощную политическую силу [1, с. 79].

Свидетели событий в Германии часто говорили о безумии целой нации, о душевной болезни тех, кто участвовал в реализации нацистской программы. Это утверждение получило развитие в ряде исследований. А. Безансон писал об эпидемии искусственного безумия в Германии, Дж. Андерс о психическом расстройстве с эмоциональными нарушениями [5, с. 56–57]. Но такой подход не способствует пониманию феномена нацизма, так как останавливается на уровне описания тех или иных его сторон и приписывания в соответствии с «симптоматикой» диагноза.

Р.И. Саймон предположил, что трудность в понимании источников нацизма состоит в искажённых представлениях о природе агрессии, в частности, в приписывании жажды разрушения и насилия неким злым индивидам, в отрицании банальности зла, в то время как разница между злым и добрым состоит лишь в том, что первый совершает зло, а второй ограничивается мечтами об этом. Эту идею развивали и другие авторы. В. Блэйк, Дж. Конрад, В. Софски полагали, что стремление к насилию — в природе человека, и оно никоим образом не связано с отдельными мотивами или идеологическими конструкциями. Психические травмы, пережитые в детстве, стиль семейного воспитания, бедность, психическое расстройство, фанатичная приверженность какому-либо культу могут отчасти объяснять проявления этого стремления, которое, тем не менее, является врождённым и закономерно вызывается к жизни требованиями окружающей среды. Это стремление или «зона насилия» есть, по мнению Р. Вальдера, в психике большинства людей [5, с. 90–94].

В.Г. Кирсанова. К вопросу о психологических корнях экстремизма

Тезис банальности зла получил своё подтверждение в известных опытах социальных психологов С. Милгрема и Ф. Зимбардо. Первый показал, что под влиянием некоего авторитета психически здоровый человек может совершить акт насилия. Второй продемонстрировал значимость условий, влияющий на совершение насильственных действий (анонимность, разделение ответственности, деиндивидуализация жертвы).

Не следует оставлять без внимания и тот факт, что многие источники сведений о действительности Третьего рейха свидетельствуют о нормальности участников событий, того «среднего человека», который исполнял нацистскую программу политического строительства. Ярко описана и глубоко раскрыта эта нормальность зла в образе оберштурмбанфюрера Нойбауэра — персонажа романа Э.М. Ремарка «Искра жизни». После рабочего дня в качестве начальника трудового лагеря, Нойбауэр возвращается домой, где за ужином его ждёт семья. В свободное время он любит работать в саду, выращивая цветы, с нежной заботой растит кроликов, любит слушать музыку, отличается прекрасным аппетитом, и его не пугает необходимость принимать решения относительно количества узников, которых надо направить для бесчеловечных экспериментов врачу Визе, режима работы крематория и т.п. Только беспокойство о собственной судьбе в случае поражения Германии иногда лишает его уверенности, и, когда силы союзных войск освобождают лагерь, Нойбауэр спешит доложить, что он лишь исполнял волю начальства и не желал зла лагерным узникам. Интересно, что автор романа — Э.М. Ремарк видит источник зла не в характере Нойбауэра, не в особом сочетании исторических условий, порождающих тот или иной социальный характер, а в ценностях, которыми руководствуется человек. Значит ли это, что, влияя на ценности (формируя, внедряя, изменяя их), возможно человечность превратить в её противоположность и объект влияния не заметит этой подмены, жестокое будет называться гуманным, страшное — необходимым?

Возвращаясь к психологическим исследованиям истоков нацизма, следует заметить, что в них мы не найдём исчерпывающего ответа на вопрос о глубинных причинах этого феномена. Возможно потому, что перенести выводы, полученные в стенах лаборатории, на историческую реальность нельзя. Здесь уместно вернуться к результатам эксперимента С. Милгрема. Вспомним его содержание: испытуемые, согласно плану экспериментатора, являлись участниками программы обучения иностранному языку и ассистировали руководителю, имевшему все признаки авторитетного персонажа. Они должны были исполнять его указания, в число которых входила посылка электрических разрядов, иногда не просто болезненных, а разрушительных, незадачливому «ученику». Испытуемые подчинялись указаниям руководителя даже в тех случаях, когда посылаемый разряд мог привести к смерти. Главный вывод эксперимента состоял в том, что люди имеют склонность к подчинению авторитету. И всё же его участники, посылавшие электрический разряд человеку, выступавшему в роли ученика, «не хотели выполнять задания и мучились, видя страдания своей жертвы» (следует уточнить, что в ходе эксперимента никто не пострадал, «жертва» по предварительной договорённости изображала страдание), т.е. подчинялись, но испытывали страдание от переживания необходимо-

ЭКСПЕРИМЕНТ И ИССЛЕДОВАНИЕ

сти делать это [4, с. 200]. Подчинение авторитету в нацистской Германии, например, исполнение приказов начальства в отношении узников лагерей, тюрем, носило иной характер, об этом свидетельствовали выжившие, поэтому эксперимент С. Милграма действительно не даёт исчерпывающего объяснения поведения нацистов. И здесь представляется уместным обратить внимание на то, что психологическому анализу подвергались разные аспекты проблемы, кроме одного — практик развития в Германии довоенного периода, в частности, система воспитания.

Одно из возможных направлений исследования причин распространения экстремистской идеологии — выявление психолого-педагогических условий формирования личности, вышедшей на историческую арену 30-х гг. XX в. в Германии, в частности, анализ популярных педагогических систем. Эта задача требует кропотливого исследования, поэтому приведу только ряд предположений.

Одной из популярных педагогических систем того времени была система воспитания Д.Г. Шребера — медика по образованию, автора книг, посвящённых проблемам ортопедии, гигиены, педагогики в целом. Д.Г. Шребер полагал целью своей системы — воспитание бессознательного послушания, на почве которого вырастают все положительные качества характера. Воспитание послушания должно начинаться с рождения через полный контроль всех действий ребёнка, лишение его возможности принимать решения в отношении даже мелких повседневных дел, искоренение стремления обрести личное пространство, иметь право на личные границы, неприкосновенность «психологического тела». Нарушения в поведении должны пресекаться немедленно и сурово, разными средствами, не исключая физического наказания. Если неукоснительно следовать этим принципам, писал Д.Г. Шребер, у ребёнка сформируется к пяти – шести годам бессознательное послушание, выражающееся в естественном, полном следовании желаниям родителя без внутреннего сопротивления, в чём бы эти желания ни состояли. Таким образом, личность ребёнка становится вместилищем родительских желаний [5, с. 81]. Интересно отметить, что сам Д.Г. Шребер воспитывал собственных детей, последовательно воплощая в жизнь свои педагогические идеи. Один из детей Д.Г. Шребера — Даниэль Пауль Шребер стал широко известен в психологическом сообществе. Именно он является автором известных «Мемуаров больного, страдающего нервной болезнью», где изложены его религиозные воззрения, личный религиозный опыт, интерпретация некоторых догматов христианства, смысл которых открылся автору в опыте общения со сверхъестественным. Мемуары были написаны Д.П. Шребером в психиатрической клинике с целью убедить окружающих в том, что странности его поведения связаны с потусторонним, т.е. обоснованы. Эта система патологических идей стала объектом анализа в работах З. Фрейда, Ж. Лакана, М. Кляйн, О. Гросса, Э. Клапареда, К.Г. Юнга и др. Несчастный больной страдал, по всей видимости, параноидным синдромом, в котором мучительные идеи преследования, вмешательства в жизнь иных, неподвластных человеку сил составляли главное содержание.

В.Г. Кирсанова. К вопросу о психологических корнях экстремизма

Каково влияние на личность ребёнка системы воспитания, где бессознательное послушание является главной целью? Из истории Д.П. Шребера видно, что такая система отношений взрослый-ребёнок вызывает ряд искажений в процессе формирования личности, которые могут приводить даже к дезорганизации психической жизни в зрелом возрасте. Если детско-родительские отношения характеризуются жестоким всемогуществом родителя, противостоять которому невозможно, то личность ребёнка неизбежно претерпевает деформацию, главной особенностью которой является амбивалентность. Амбивалентная личность состоит из нескольких одновременно существующих и противоположных друг другу идентичностей и характеризуется отсутствием границ между «я» и «не я». Такая личность лишена возможности переживать себя саму, быть собой, но стремится к этому и достигает цели через заполнение внутренней пустоты внешним содержанием, которое впитывается тем быстрее, чем авторитетнее источник влияния. Соответственно, поведение амбивалентной личности характеризуется нехваткой автономии, непоследовательностью, нерешительностью, фальшивостью, изменчивостью. Таким образом, воспитание бессознательного послушания не даёт развиваться способности к самодетерминации, но усиливает тенденцию к ассимиляции того, что исходит от значимого другого, начиная от отдельных поведенческих актов и заканчивая убеждениями.

Можно предположить, что для формирования амбивалентной личности не обязательно сложное сочетание исторических катастроф, но необходима особая система воспитания, или скорее анти-воспитания. Можно было бы охарактеризовать данную систему воздействия как нарушающую и размывающую личностные границы, для того чтобы само содержание внутреннего мира деконструировать и собрать заново, добавить иные, чужеродные элементы, которые, по сути, являются элементами мировоззрения авторитарного взрослого. Иными словами этот процесс можно было бы назвать *деконструкцией субъекта*.

Сказанное даёт основания предположить, что *воспитательная практика, не имеющая целью развитие субъектности, напротив, последовательно уничтожающая её проявления, что приводит к формированию амбивалентной или «пустой» личности, лишённой основы для развёртывания самостоятельной деятельности, — одна из причин распространения экстремизма, потому что формирует тот тип личности, который наиболее востребован экстремистскими группами*. Это личность без системообразующего компонента — личность без собственных ценностных ориентиров, не способная к личному ценностному выбору и поступку, но готовая подчиняться и идти за теми, кто предлагает цель и средства для её реализации. Это человек, чей жизненный опыт свидетельствует о возможности насилия против личности, о возможности разрушения иного, самостоятельного, самоценного бытия.

Социальное проектирование вырастает из известной идеи о пути развития человека от натурального к культурному путём поглощения и усвоения культуры как всечеловеческого опыта. Процесс усвоения может и должен быть организован. От его содержания, направленности, насыщенности зависит внутренняя картина мира и состояние функций, которые работают

ЭКСПЕРИМЕНТ И ИССЛЕДОВАНИЕ

на её конструирование, поддержание и ориентировку в ней. Проектирование процесса культурной трансформации, т.е. рождения человеческого в индивиде, предполагает задание цели, плана, этапов, социально-психологического норматива этого развития и его результатов. Социальное проектирование можно понимать как инструмент, он не плох и не хорош, всё зависит от того, кем и ради чего он будет использоваться. Это значит, что угроза возвращения нацизма останется в любом обществе, уверенном, что социальное проектирование — единственная дорога к человеку, а вектор развития обязательно задаётся извне и качество её сверяется по «реперным точкам» психической и психологической нормы.

Если высказанное предположение верно, то основным путём предотвращения распространения экстремизма является гуманизация образования, создание новой гуманизированной образовательной среды. Системообразующее свойство такой среды — ориентированность на развитие субъектности ребёнка, понимаемой как способность к самодетерминации, постановка целей воспитания, которые предполагают развитие личности при уважении индивидуальности ребёнка. При этом развитие личности видется не как процесс ассимиляции культуры или адаптации к социуму, это лишь первый этап личностного становления, а как процесс сотворчества ребёнка и взрослых, цель которого — преобразование социального контекста, создание культурных ценностей. Решение задачи профилактики экстремизма не решается путём «встраивания» в образовательный процесс через некую номенклатуру «нужных» в настоящее время ценностей отдельных элементов типа толерантности. Социальное проектирование толерантности в детско-юношеском сообществе невозможно посредством мероприятия (социальное проектирование взрослыми ценностной сферы детей), толерантность должна созидаться как ценность взрослыми и детьми. При этом работа, например, школьного коллектива по созданию толерантных отношений в школе может и должна разворачиваться как деятельность, выбранная детьми, имеющая личностный смысл для каждого. Проектирование какой-либо ценности как некоего интроекта в личности ребёнка (хотим, чтобы у ребёнка была такая-то ценность) в принципе отвергает свободу выбора ценности. Если мы хотим, чтобы наш ученик был толерантен, мы не предлагаем ему ассимилировать эту идею-ценность, а создаём условия, в которых она может создаваться, переживаться, становиться предметом сознательного выбора, что требует субъектного отношения к ребёнку и субъектности от самого ребёнка.

Развитие субъектности, основанной на гуманистических ценностях, возможно только в деятельности, содержанием которой является их созидание, что требует построения такой системы воспитания, которая будет иметь форму социального проекта педагогического сообщества по развитию субъектности ребёнка, где ребёнок видится как соучастник социального проектирования, а не его объект.

Литература

1. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: «Класс», 2001. С. 260–261.
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009.
3. *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб.: Питер, 2005.
4. *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия. СПб.-М.: Олма-Пресс, 2003.
5. *Mosse G.L.* Le origini culturali del nazismo. Il Saggiatore, Milano, 1964.
6. *Nielsen P.N.* L'universo mentale «nazista». FrancoAngeli. Milano, 2004.